

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИКИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОМЫШЛЕННЫЕ
СИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

Начало XXI в. характеризуется повышением интереса к национальным государствам и национальным экономикам, которые, как оказалось, не только совместимы с современными процессами интернационализации и глобализации, но и получили новый импульс к развитию в новых условиях [9, с. 301], когда уже не сфера услуг (финансовых, информационных и др.) считается главным драйвером роста, а сфера промышленного производства (industry), для опережающего развития которой во многих странах мира формируются специальные национально ориентированные политики. И сама промышленность уже больше не является синонимом дымящих труб, а всё в большей степени ассоциируется с наукоёмкой деятельностью и авангардным экологически чистым производством [3, с. 2].

Понятия "национальная промышленность" и "национальная экономика" тесно связаны с понятием национального государства (nationalstate), обладающего суверенитетом в пределах определённой территории. В современном мире суверенитет национальных государств основан на принципе их взаимного признания и в экономическом аспекте, согласно И. Валлерстайну, включает семь основных правомочий: "1) государства определяют правила, в соответствии с которыми товары, капитал и рабочая сила могут пересекать их границы; 2) они создают правила, касающиеся прав собственности внутри страны; 3) они создают правила относительно найма на работу и размера вознаграждения работников; 4) они решают, какие издержки фирмы должны взять на себя; 5) они определяют, какие экономические процессы

можно монополизировать и до какой степени; 6) они собирают налоги; 7) и, наконец, если государства могут влиять на фирмы, расположенные на их территории, значит, они могут использовать свою власть и вне страны и влиять на решения других государств" [13, с. 124].

Сам термин "nationalstate" может иметь разные значения: с позиций политико-правовых – это гражданское или политическое государство (Staatsnation), основанное на конституции и представительных органах власти; с позиций этнографических – это этнонациональное государство (Volksnation), акцентированное на общности происхождения людей, а с позиций социокультурных – это культурное государство (Kulturnation), базирующееся на общем понимании национальной культуры и цивилизации [4].

Аналогично разные смыслы можно вкладывать и в понятие национальной экономики.

В известном словаре Merriam-Webster национальная экономика определена как "the economy of a nation" или как "... the economy of a nation as a whole that is an economic unit and is usually held to have a unique existence greater than the sum of the individual units within it"¹ [5]. В свою очередь, совокупность всех национальных экономик мира, связанных

¹ "... экономика нации в целом, выступающая в качестве экономического единого целого, которое, как обычно считается, обладает свойством несводимости этого целого к сумме составляющих её компонентов" (здесь и далее перевод мой. – Е.В.).

между собой системой международного разделения труда, экономических и политических отношений, составляет мировую экономику или мировое хозяйство.

Такое "узкое" определение акцентирует внимание на чисто экономических аспектах проблемы. В широком смысле, как отмечают R. Jessop and M. Bertuzzi, национальная экономика включает также иные внеэкономические факторы, комплекс "... of socially embedded, socially regularized, and strategically selective institutions, organization, social forces, and actions organized around (or at least involved in) the expanded reproduction of capital as a social relation" ¹ [4, с. 7].

В рамках такого расширенного видения вопроса национальная экономика – это уже не механическая совокупность экономических единиц, а некий эволюционирующий организм, который имеет свою историю и характеризуется уникальным сочетанием движущих сил развития в пространстве и времени. То есть каждая национальная экономика представляет собой нечто особенное, отличное от других экономик не только в количественном аспекте (по численным характеристикам составляющих элементов – населению, предприятиям, богатству, доходам и др.), но прежде всего в аспекте качественном, который формируется в пространстве и времени под влиянием географических, социобиологических, языковых, религиозных, культурных и других факторов.

Помимо эволюционного контекста, слово "национальный" имеет аспект смысла противоположный тому, который обычно вкладывается в термин "космополитический", если под космополитизмом, согласно I. Woodward, Z. Skrbis and C. Bean, понимать "... an ambition or project of supra national state building, including regimes of global governance, and legal institutional frameworks for regulatin gevents and processes which in corpo-

¹ "... социально встроенных, социально упорядоченных и стратегически отобранных институтов, организаций, социальных сил и действий, организованных вокруг, или, по крайней мере, включённых в расширенное воспроизводство капитала как общественного отношения".

rate, but have impacts, bey on dany one nation"² [10, с. 209]. Однако такое противопоставление по логике "или-или" имеет ограниченное аналитическое значение. Более конструктивный методологический подход, как отмечают U. Beck and N. Sznaider, базируется на логике "и-и", на диалектическом взаимодействии национального и космополитического, их становлении и развитии в пространстве и времени [1, с. 1].

В этой связи целью настоящей статьи является раскрытие особенностей содержания национальных экономик и промышленных систем и обоснование новых подходов к изучению их развития в современном мире.

Обращение к новейшей экономической истории свидетельствует, что почти весь XX в. прошёл под знаком становления и противостояния двух мировых систем – капиталистической и социалистической, основанных на различном видении мира и альтернативных способах решения социально-экономических проблем развития, для которых национальная специфика не имела принципиального значения. Такое противостояние социоструктурного типа способствовало ускорению и углублению интеграционных процессов и формированию мирового рынка, разделённого между "лагерями" – социалистическим и капиталистическим, а также миром неприсоединившихся стран. В Европе были созданы, с одной стороны, Совет экономической взаимопомощи (1949 г.), призванный организовать экономическое и научно-техническое сотрудничество социалистических государств, а с другой стороны, Европейское экономическое сообщество (1957 г.), нацеленное на экономическую интеграцию капиталистических стран Европы и формирование общего рынка.

Ускорению процессов глобализации способствовали также достижения научно-технического прогресса: рост инновационной индустрии, объединённой глобальными це-

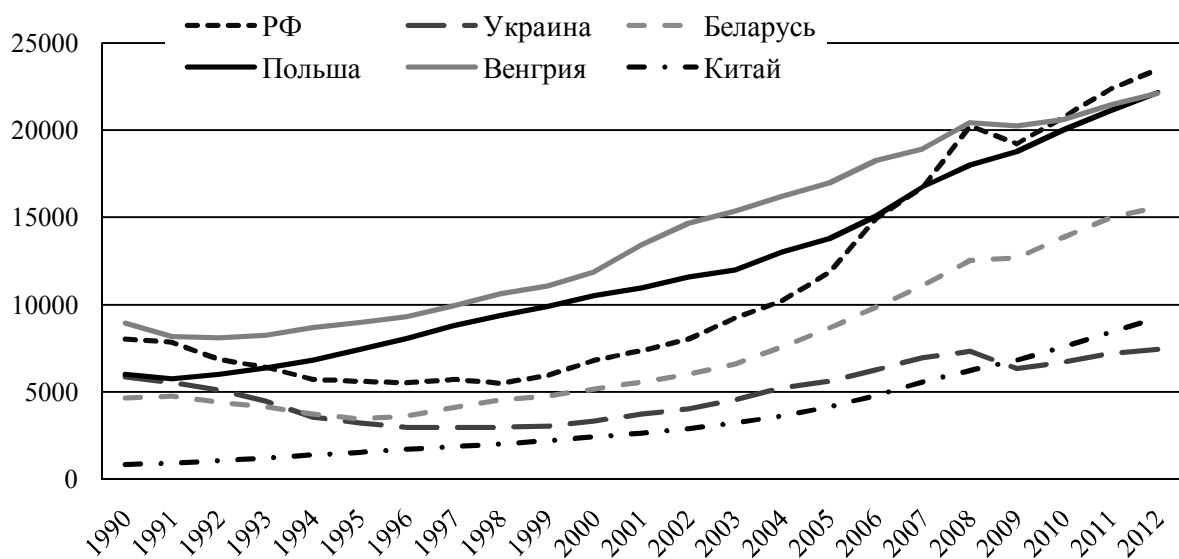
² "... стремление или проект построения наднационального государства, включая режимы глобального управления и нормативно-институциональные основы для регулирования явлений и процессов, которые, имея влияние на каждую нацию, выходят за их пределы".

почками создания стоимости, развитие международной телефонной связи, быстрый рост объёмов железнодорожных, морских и авиационных перевозок. Это, в свою очередь, сформировало технические предпосылки для учреждения специального глобального международного института – Генерального соглашения по тарифам и торговле (General Agreement on Tariffs and Trade, GATT) – предназначенного снизить барьеры в международных потоках товаров и услуг.

После падения мировой системы социализма, казалось, были разрушены главные политические препятствия, разделяющие мир, и новая глобальная реальность приобрела явные очертания: единая либеральная демократия западного образца и построенная по лекалам Вашингтонского консенсуса глобально-космополитическая либеральная экономика, способная легко преодолевать границы национальных юрисдикций. Всё это дало основания американскому философу Ф. Фукуяме заявить о "конце истории" [19].

Но в это же время стали набирать силу противоположные тенденции – регионализма и национализма, которые не отрицают космополитизм (что явно неконструктивно в свете углубления мирового разделения труда, повышения глобальной мобильности капитала и труда, стандартизации законодательства и сближения культур), а структурируют его, определяют региональные и национальные особенности.

Оказалось, что, с одной стороны, следование якобы глобально-универсальным рецептам либеральной экономической политики (приватизация, либерализация торговли, макроэкономическая стабилизация, минимальное государство и др. [18]) приводит не к самым лучшим последствиям. В особенности это наглядно проявилось в бывших союзных республиках – РФ, Украине и др., экономики и промышленности которых в течение 90-х годов XX в. "провалились" и стали критически отставать от соседних стран. И только последующая существенная корректировка первоначального либерального курса позволила улучшить ситуацию (рис. 1).

Составлено по: The World Bank World Development Indicators, 2013.

Рис. 1. ВВП на душу населения в некоторых странах мира (GDP per capita, PPP, current international \$)

А с другой стороны, появилась целая группа стран, которая, действуя часто вопреки глобалистским рецептам либеральной

экономической политики, уже добилась больших исторических успехов, чем либеральные демократии западного образца. Речь

идёт прежде всего об Индии и Китае. При этом, если в своё время Великобритании понадобилось 155 лет для того, чтобы удвоить ВВП с 9 млн населения в 1870 г., США и Германии – от 30 до 60 лет с несколькими десятками млн населения, то Индия и Китай делают это в масштабах и с темпами невиданными ранее – с населением в 100 раз больше британского и за время в 10 раз меньше [7].

Индия, как лидер движения неприсоединения (Non-Aligned Movement), после обретения независимости (1947 г.) последовательно реализует особый подход к решению социально-экономических проблем, основанный на специфически индуистском синтезе социальной организации, религиозно-философской доктрины и теологических воззрений, которые пронизывают все сферы жизни: мировоззренческую, социальную, юридическую, поведенческую и т. д. [12]. Как отмечено в Манифесте Индийской национальной партии (одной из двух ведущих общенациональных партий): "В мобильном и глобализирующемся мире каждая нация должна знать свои корни. Индия не должна слепо копировать ту или иную модель развития, а выработать собственную модель, отвечающую её гению и ресурсам" [20, с. 514].

Китай также позиционирует себя как отдельный мир, идущий по "великому пути построения социализма с китайской спецификой" с руководящим ядром в лице Коммунистической партии Китая [15], которому не подходят либеральные рецепты западного образца. Вместе с другими странами региона (Япония, Южная Корея, Сингапур, Вьетнам) он является главной частью неформального сообщества, которое успешно развивается в рамках полуторатысячелетней конфуцианской традиции, характеризующейся сильным государством и ведущей ролью "самурайско-мандаринской" бюрократии – элитарной, образованной, честной и эффективной [14, с. 119].

После длительного периода застоя заметный рост стал демонстрировать мусульманский мир. Согласно имеющимся прогнозам численность мусульман продолжает быстро увеличиваться и к 2030 г. может превысить ¼ всего населения планеты. В Европе удельный вес мусульман к 2030 г. может со-

ставить 8%, а в таких странах, как Бельгия и Франция, – более 10% [6, с. 121-124]. Но усиление относительного влияния мусульман не ограничено только увеличением их численности в динамично растущих регионах мира. Положительную и, главное, стабильную экономическую динамику демонстрируют страны, которые являются членами Исламского банка развития¹ (рис. 2). Это не только традиционно богатые ископаемыми углеводородами государства Ближнего Востока, но и такие страны, как, например, Казахстан (бывшая республика в составе СССР, а ныне светское государство, подавляющее большинство населения которого исповедует ислам) и Индонезия (страна с самым большим мусульманским населением в мире)².

Таким образом, в целом, вопреки ожиданиям многих специалистов, мир после распада социалистической системы не стал более единообразным и центростремительным, а напротив, усилились социокультурно обусловленные центробежные тенденции развития. Запад во главе с США начал терять свои лидирующие позиции. Мировой Юг стал быстро возвышаться, а Север – отставать. "Мастерская мира" переместилась с Северной Америки и Европы в страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Как отмечают специалисты National Intelligence Council (USA): "The world of 2030 will be radically transformed from our world today. By 2030, no country – whether the US, China, or any other large country – will be a hegemonic power. The empowerment of individuals and diffusion of power among states and from states to informal networks will have a dramatic impact, largely reversing the historic rise of the West since 1750, restoring Asia's weight in the global economy,

¹ Исламский банк развития (Islamic Development Bank) – международная организация, занимающаяся финансированием проектов экономического и социального развития в странах-членах, основываясь на законах и принципах Шариата. В настоящее время членами банка являются 56 государств.

² Под исламской экономикой в данном случае понимается не только экономика собственно мусульманских стран (т.е. тех, законодательство которых опирается на Шариат), но и светских государств с большим удельным весом мусульманского населения.

Составлено по: Islamic Development Bank. Annual Report 1432H (2011). – IDB, 2011, p. 13; International Monetary Fund. World Economic Outlook database, October 2012. – IMF, 2012.

Рис. 2. Рост реального ВВП по группам стран мира

and ushering in a new era of “democratization” at the international and domestic level”¹ [7, с. iii].

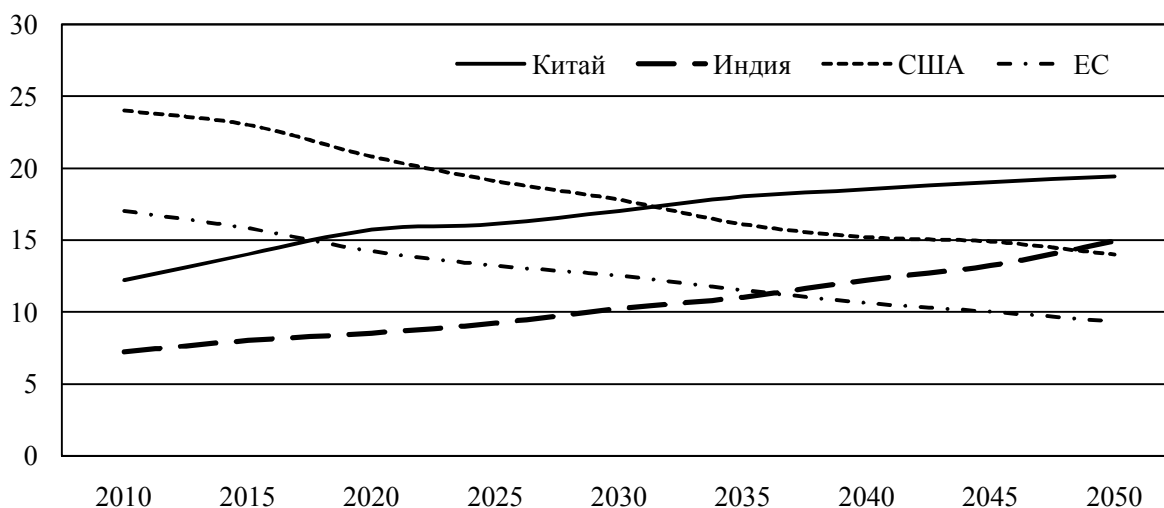
Но дело не только в том, что меняются относительные позиции отдельных стран или групп стран (рис. 3), а в том, что мир (в том числе экономический) становится более разнообразным. Видовое разнообразие растёт не только в биологическом мире, но и в мире экономическом.

С одной стороны, все успешные национальные экономики в современном мире внешне очень похожи: это смешанные хозяйства с определённым сочетанием государства и рынка, обладающие многоуровневыми денежно-кредитными и налогово-бюджетными системами, развитыми рынками факторов производства, современной промышленностью, инфраструктурой и др. Но с другой, содержательной, стороны те национальные экономики, которые теперь поднимаются,

¹ “Мир 2030 будет радикально отличаться от нашего мира сегодня. К 2030 году ни одна из стран – будь то США, Китай или любая другая крупная держава – не будет гегемоном. Расширение прав и возможностей отдельных лиц и диффузия сил между государствами и от государств к неформальным сетям будет иметь драматические последствия, в значительной мере отменяя историческое возвышение Запада с 1750 года, восстанавливая вес Азии в мировой экономике и провозглашая начало новой эры “демократизации” на международном и национальном уровне”.

по-иному выстраивают системы социально-экономических отношений, чем западные демократии. Это проявляется прежде всего в географически и исторически обусловленных социокультурных нормах, которые лежат в основе хозяйственных транзакций и механизмов принятия управленческих решений.

Важность таких социокультурных норм стала широко обсуждаться специалистами-экономистами, когда во второй половине XX в. дотоле невиданные стабильно высокие темпы роста продемонстрировала Япония – начиная с 1955 г. на протяжении 18 лет её ВВП ежегодно возрастал на ≈10% [14, с. 172]. В частности, оказалось, что японская “кайша” (корпорация) – это нечто иное, чем обычное западное предприятие: “... это микрокосмос, а семьи работников являются его ячейками” [14, с. 67]. При этом “... труд в Японии (*шигото*) понимается не как проклятие или форма эксплуатации, но и не как стремление к личному успеху, а скорее как этическое вовлечение в коллективный проект. Это делает не только несущественными различия между “работой/неработой” ... , но также создаёт – и прежде всего – особую систему производственных отношений, основанных на так называемых “трёх священных инструментах” (пожизненная занятость, карьера, основанная на выслуге лет, и заводской синдикализм)” [14, с. 67].

Источник: National Intelligence Council (2012). *Global Trends 2030: Alternative Worlds*, p. 17.

Рис. 3. Динамика глобального индекса силы (a global power index), основанного на ВВП, численности населения, расходах на оборону и технологии

Последующие успехи других стран Восточной и Юго-Восточной Азии заставили говорить об особой экономике так называемых государств развития, "... в которых произошло "экономическое чудо": Японии до Второй мировой войны; Гонконга (Китай, САР), Республики Корея, Сингапура и Тайваня (провинция Китая) во второй половине XX века. С недавнего времени Китай и Вьетнам (а также Камбоджа и ЛНДР) тоже могут рассматриваться как государства развития" [16, с. 67]. Этим общим термином именуют государства "... с активным правительством и, зачастую, аполитичной элитой, которые считают быстрое экономическое развитие своей первоочередной целью" [16, с. 66].

Важным обстоятельством является то, что все эти страны, продемонстрировавшие замечательные успехи в развитии, прежде всего в сфере современной индустрии, относятся к конфуцианской традиции и с давних пор формируют достаточно четко выраженное общее социокультурное пространство и особый хозяйственный тип, который получил название конфуцианского. Его отличают как минимум три аспекта.

Первый аспект – это отличное от европейского понимание роли человека в обществе и экономике. Западный мир – это атомизированное общество эгоистичных индивидов, действующих рационально в рамках

опубликованных, целенаправленно продуманных и корректно сформулированных правил" [8, с. 299]. А конфуцианский мир – это мир социальной координации (иерархии, но и одновременно гармонии [14, с. 122]): правитель-подданный, отец-сын, муж-жена, а "общие правила и ценностные нормы, определяющие повседневное поведение и принятые способы ведения дел, – сознательно или бессознательно – получены в основном из обычая ...; некоторые учёные назвали эти неписанные культурные нормы «скрытыми правилами»" [11, с. 29] (в отличие от западных публичных).

Второй аспект – это отличное от европейского отношение к целям экономической деятельности. Как прозорливо отмечал М. Вебер, западный мир устроен так, что в нём уже не приобретение служит человеку средством удовлетворения его материальных потребностей, а всё существование человека направлено на приобретение как на цель жизни [8, с. 18], так что "... человек живёт, чтобы работать, а не работает, чтобы жить" [11, с. 29]. В то же время в конфуцианском мире "... деньги рассматриваются как средство существования и приобретения материальных ценностей, воспринимаемых как ключи к лучшей жизни или способ продемонстрировать социальное положение" [11, с. 30].

И, наконец, третий аспект – это отличные от европейских отношения между государством и рыночными субъектами хозяйствования. В западном мире государство и рынок обычно рассматриваются как альтернативы, связанные с выбором между кейнсианством и либерализмом, Вашингтонским и пост-Вашингтонским консенсусом и т. д. А в конфуцианском мире государство и рынок "... не противопоставлены друг другу, а дополняют друг друга как инь и янь. В этой модели государственное управление не враждебно частному сектору: более того, оно исполнено большего уважения к предпринимателям, с которыми вступает в переговоры на взаимовыгодных условиях, на основе подхода выигрыш-выигрыш (win-win)" [14, с. 119]. При этом правительственная занятость традиционно даёт более высокий статус, что означает возможность относительно легко нанимать самых лучших и креативных работников, а поэтому бюрократия "...является элитарной, образованной, эффективной, честной, имеет "самурайско-мандаринское" происхождение" [14, с. 119].

Внутри указанного хозяйственного типа также имеются видовые отличия. Так, для современной китайской экономики и промышленности характерны "семейные связи", в то время как японский капитализм общинного типа базируется на кэйрэцу¹, а патриомональный корейский капитализм – на чеболях². Но это не более чем частные различия национальных экономик (социальных организмов) как элементов специфической общности, которую, используя эволюционную методологию, уместно назвать популяцией, а сама эта популяция, основанная на конфуцианской традиции, существенно отличается от иных популяций, основанных на мусульманской, индуистской и христианской традициях.

¹ В Японии – крупные корпоративные конгломераты и холдинги, связанные друг с другом в экономический кластер.

² В Республике Корея – конгломераты, представляющие собой группы формально самостоятельных фирм, находящихся в собственности определённых семей и под единым административным и финансовым контролем.

Традиционная типология национальных экономик также имеет важное аналитическое значение. В последние десятилетия, например, получила известность концепция разнообразия капитализмов, согласно которой по одному или нескольким признакам предлагают различать, например, англосаксонский, европейско-континентальный, социально-демократический и азиатский капитализмы [14, с. 89]. Такой анализ действительно позволяет выявить важные типовые черты отдельных национальных экономик и промышленных систем, которые являются представителями разных популяций. Но, в принципе, их прямое сопоставление недостаточно корректно и конструктивно, поскольку более корректно и конструктивно сравнивать не отдельные социальные организмы, относящиеся к разным популяциям, а организмы одной популяции или же разные популяции между собой.

Этот подход с позиций эволюционной методологии, который можно назвать методологическим популяционизмом [2, с. 23], предусматривает отличную от неоклассической и институциональной методологий исследовательскую программу, которая, тем не менее, не лучше и не хуже упомянутых. Она просто иная. И если воспользоваться известной аналогией Дж. Робинсон о теории как о ящике инструментов [17], то это другой инструмент, предназначенный для решения особого класса проблем, определение которых требует отдельного анализа.

Литература

1. Beck U. Unpacking cosmopolitanism for the social sciences: a research agenda / Ulrich Beck and Natan Sznaider // *The British Journal of Sociology*. – 2006. – Vol. 57. – № 1. – P. 1-23.
2. Dopfer K. *The General Theory of Economic Evolution* / Dopfer Kurt and Jason Potts. – London, New York: Routledge, 2008. – 134 p.
3. Heymann E. *Europe's re-industrialisation. The gulf between aspiration and reality* / Eric Heymann, Stefan Vetter. – Frankfurt am Main: Deutsche Bank AG, DB Research, 2013. – 22 p.

4. Jessop R. Narrating the future of the national economy and the national state? Remarks on re-mapping regulation and re-inventing governance / Jessop Robert D., Bertuzzi María Delia // *Documentos y Aportes en Administración Pública y Gestión Estatal*. – 2006. – Vol. 7. – 2006. – P. 7-44.
5. Merriam-Webster. National economy. [ONLINE] Available at: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/national%20economy>. [Last Accessed 30 August 2013].
6. The Future of the Global Muslim Population. Projections for 2010-2030. – Washington, D.C.: Pew Research Center's Forum on Religion & Public Life, 2011. – 209 p.
7. The National Intelligence Council, USA. Global Trends 2030: Alternative Worlds, 2012. – 140 p.
8. Weber M. *Essays in Sociology* / M. Weber; translated and edited by Hans H. Gerth and C. Wright Mills. – New York: Oxford University Press, 1946.
9. Wimmer A. Methodological nationalism and beyond. Nation-state building, migration and the social sciences / Andreas Wimmer and Nina Glick Schiller // *Global Networks*. – 2002. – Vol. 2. – № 4. – P. 301-334.
10. Woodward I. Attitudes towards globalization and cosmopolitanism: cultural diversity, personal consumption and the national economy / Ian Woodward, Zlatko Skrbis and Clive Bean // *The British Journal of Sociology*. – 2008. – Vol. 59. – № 2. – P. 207-226.
11. Yang B. Characteristic of the Chinese Tax System and its Cultural Underpinnings: A Comparison with West / B. Yang, E. Huang // *Journal of Chinese Tax & Policy*. – 2011. – Vol. 1. – № 1. – P. 13-33.
12. Альбедиль М.Ф. (1997). Индийская религия и философия. [ONLINE] Available at: http://www.india.ru/india/history/hindi_history.shtml. [Last Accessed 30 August 2013].
13. Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение / Иммануил Валлерстайн; пер. Н. Тюкиной. – М.: Изд. дом «Территория будущего», 2006. – 248 с.
14. Вольпи В. Азиатская экономическая модель и Запад: реванш "видимой руки" / В. Вольпи, Ф. Маццеи; пер. с итал. Н. Тюкалова; науч. ред. д.э.н. проф. Ю.В. Таранухи. – М., 2012. – 261 с.
15. Женьминьжибао (2007). Твёрдо идти по великому пути социализма с китайской спецификой. [ONLINE] Available at: <http://russian.people.com.cn/31521/6283130.html>. [Last Accessed 30 August 2013].
16. Программа развития Организации Объединённых Наций. Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире / пер. с англ. изд-ва "Весь Мир". – The United Nations Development Programme: New York, USA, 2013. – 203 с.
17. Робинсон Дж. Экономическая теория несовершенной конкуренции / Джоан Робинсон; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986. – 469 с.
18. Стиглиц Дж. Многообразнее инструменты, шире цели: движение к Пост-Вашингтонскому консенсусу / Джозеф Стиглиц // *Вопросы экономики*. – 1998. – № 8. – С. 4-34.
19. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма; пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: ООО "Издательство АСТ: ЗАО НПП "Ермак", 2004. – 588 с.
20. Юрлов Ф.Н. История Индии XX век / Ф.Н. Юрлов, Е.С. Юрлова. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2010. – 920 с.

Представлена в редакцию 20.08.2014 г.